

«Любовь — это работа»

Сегодня в российский прокат выходит новый фильм Ивана Дыховичного «Вдох-выдох». Герои этой драмы — мужчина и проститутка, за плечами у которых осталась несчастная любовь. С Иваном Дыховичным встретила корреспондент «Известий» Анна Федина.

ИЗВЕСТИЯ: Почему вы накануне собственного 60-летия взяли за кино о любви?

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ: Надо было разобратся в приоритетах. Что такое уметь любить? Это значит — не требовать взаимности. Поверьте, я знаю о чем говорю. Чаще всего люди себя берегут, они боятся любви, не хотят, чтобы их что-то волновало. Они и без того устали. Поэтому на все разговоры о любви они отмахиваются. Но я-то знаю, что значит задыхаться без любимого человека.

ИЗВЕСТИЯ: Но ведь такая любовь не может быть долгой.

ДЫХОВИЧНЫЙ: Почему? Любовь похожа на дерево, которое растет, цветет, сбрасывает листья, потом расцветает вновь. Вопрос только в том, насколько оно крепкое и как вы за ним ухаживаете. Безусловно, бывает любовь, которая длится всего час, и бунинские «Солнечный удар» и «Чистый понедельник» — истории как раз о такой любви и о том, что будет, если вы вдруг ее испугаетесь. «Вдох-выдох» тоже примерно об этом.

ИЗВЕСТИЯ: Так что же произошло с вашими героями? Они испугались?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Нет, просто любовь — это работа. Вы должны все время соответствовать любимому человеку. Постоянно думать о том, что своей ленью, вялостью, нежеланием развиваться вы постепенно из любимого превращаетесь в терпимого. А то мужчины очень любят произносить какие-то ужасно смешные глупости: «Я бы еще понял, если бы она изменила мне с достойным человеком...» А на вопрос: «Почему она это сделала?», отвечают: «Потому что сука!»

ИЗВЕСТИЯ: Решили покритиковать мужчин?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Скорее, разобраться в себе самом.

ИЗВЕСТИЯ: Каждая картина становится подобным диалогом с самим собой?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Да, даже «Копейка». У Энгельса была фраза, что расставаться со своим прошлым надо смеясь. Так вот «Копейка» родилась из одной фразы Эрдмана. Во время войны его вернули из концлагеря в Москву, чтобы он писал репризы для ансамбля НКВД. Он три дня прожил на вокзале, потому что боялся, что это провокация, но в конце концов за ним пришли, отвели в клуб НКВД и выдали форму: шинель без погон и фуражку. В общем, генералиссимус: никаких знаков различия, но стать впечатляющая. И вот когда он спускался по лестнице, он прошел мимо заседавших в этом клубе генералов, и они отдали ему честь. Только что вернувшийся из Сибири Эрдман сказал: «Я им все простил». То же самое мы постарались сделать «Копейкой».

ИЗВЕСТИЯ: Откуда взялась эта история про две рубашки — фланелевую и еще какую-то,

которая возникла в «Копейке» и вернулась во «Вдохе-выдохе»?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Мне ее бесконечно рассказывал мой школьный учитель труда. Перейдя в другую школу, я думал, что с этими рубашками расстался, но нет. Там мне встретился спившийся физрук, который рассказывал про какие-то портки. Потом один из моих начальников делился со мной воспоминаниями о своем нищем детстве, тоже что-то такое: «Мать мне сшила...» Обратите внимание, эта интонация есть у Лужкова, сейчас появилась даже у Путина.

ИЗВЕСТИЯ: Надо быть ближе к народу. Кстати, и американская мечта — о замене фланелевой рубашки на дизайнерский пиджак.

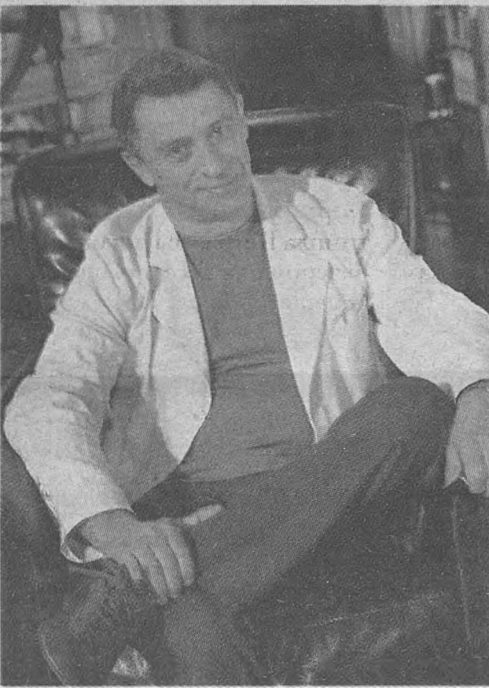
ДЫХОВИЧНЫЙ: Абсолютно точно. Не зря один из моих любимых эпизодов — когда Брюс Уиллис в «Криминальном чтиве» рассказывает про доставшиеся ему от отца часы и про место, где он их прятал. Это та же фланелевая рубашка!

ИЗВЕСТИЯ: Вы много работаете.

ДЫХОВИЧНЫЙ: У меня нет ресторанного бизнеса, поэтому мне надо зарабатывать.

ИЗВЕСТИЯ: Вы помните свои первые заработанные деньги?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Конечно. Мне было лет одиннадцать, когда моя сестра наняла меня мыть посуду. Я очень хотел ботинки, мокасины, и ради этого мне пришлось продать в рабство аж на месяц. Заработал я 100 рублей, а приличные ботинки тогда стоили 200. Тем не менее я нашел, правда, эти мокасины были на размер меньше и оранжевого цвета. Меня от такого окраса мутило, но я их все равно купил.

ИЗВЕСТИЯ: Как же вы в них ходили, если они вам были малы?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Только на танцы... Я вообще был жуткий пижон. В 9 лет я влюбился в девочку Софу из балетного училища. Она пригласила меня на день рождения. Дело было зимой, в лютый мороз, а у меня из обуви были только ужасные школьные ботинки и очень красивые сандалии, которые мне родители привезли из Швеции. И я пошел на день рождения в сандалиях. Окопел, конечно. Софа потом не стала балериной, пополнила и стала женой Петросяна.

ИЗВЕСТИЯ: Это была ваша первая любовь?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Нет, первой любовью была Таня Жданова. Это было в первом классе. Она была отличница, а папа ее был испытатель парашютов. Влюблены в нее были все. Естественно, на меня она внимания не обращала, потому что я был самым младшим в классе и к тому же плохо учился. Я написал Тане первую в жизни любовную записку: «Я тебя лублю». И она мне ее вернула с исправлениями. Прошло 25 лет. Однажды я прибежал на Ленинградский вокзал, мне после спектакля нужно было срочно уехать в Питер. Я нагнулся к кассе: «Девушка, помогите, ради бога, а я вам билет в Театр на Таганке оставлю». И сидящая в окошечке тетка мне вдруг отвечает: «Вань, я тебе и так помогу». Пауза. «Ты меня не узнаешь?» — «Как же, узнаю, — говорю я, всеми силами стараясь добыть билет. — Только не припомню, где мы могли встречаться». А она вздохнула и говорит: «Я Таня Жданова».

ИЗВЕСТИЯ: Вы способны на сумасшедшие поступки?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Вполне. Масса людей, говоря обо мне, крутят пальцем у виска. И еще есть немало людей, которые сначала клялись мне в любви и говорили, что всему у меня научились, а сейчас начинают меня пугать: «А вот что будет, если однажды тебе не дадут денег?» Да пусть они об этом думают.

ИЗВЕСТИЯ: Вы сами об этом не думаете?

ДЫХОВИЧНЫЙ: Иногда, но лучше этого не делать. Знаете, я в Театре на Таганке пел романсы Дениса Давыдова. Высоцкий меня услышал и позвал в Кишинев — выступить в его концерте. Мы приехали. Володя оставил меня в примерной и, уходя, сказал: «Я тебя объявлю по трансляции, и, что бы ни было, ты пойдешь на сцену». Я сижу, грею мерзнувшие пальцы и слышу из динамика свое имя, а вслед за ним какой-то жуткий гул. Я вышел из кулисы и увидел, что Высоцкий стоит от меня метрах в пятидесяти, а за ним бездна. Я шел, ничего не видя, услышал только Володино «Держись!». У микрофона я поднял голову и увидел 22 тысячи человек. Только потом я понял, что все эти люди свистели, чтобы никакой Дыховичный на сцену не выходил. Как я спел четыре песни, я не помню. Потом я повернулся и пошел, практически побежал к кулисе, а Высоцкий меня поймал и кричит: «Ты понимаешь, что произошло?! Тебе в моем концерте бисируют!» После такого уже ничего не страшно.